

ПОМОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ЭТНИЧЕСКОЙ РЕИДЕНТИФИКАЦИИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Анализируется одно из основных направлений этнической реидентификации в современной России, доминирующее на европейском Русском Севере – поморское движение. Доказывается, что этническая реидентификация ставит своей задачей создание искусственных квазиэтносов с целью раскол русского этноса и развал России.

Ключевые слова:

квазиэтнос, конструирование новой этнической идентичности, поморы, поморский язык, регионализм, этнос, этнические антрепренеры, этническая реидентификация.

Деструктивные процессы в современной России выступают причиной ее достаточно сложного положения в жестких реалиях глобализации, которые «все чаще ведут к столкновению и конкуренции идентичностей: региональных, гражданских, этнических, религиозных. Это столкновение является неизбежным, особенно в трансформирующихся обществах» [16]. Такой феномен заключает в себе потенцию геополитической диссипации многонациональной державы, утратившей в ходе постсоветской инволюции духовную скрепу, обоснованную и выраженную внятной идеологией, которая сплавляет многочисленные этнические сообщества в суперэтнос (Л.Н. Гумилев).

Титульной нацией России принято считать русских, составляющих, по разным источникам, около 80% населения страны, и, казалось бы, этого вполне достаточно для обеспечения ее этнического и политического «здоровья». Однако последнее далеко от совершенства, если мы обратимся к уверенно заявляющему о себе сегодня феномену *конструирования новых этнических идентичностей*, о котором хотя и молчат официальные СМИ, но все же он начинает привлекать внимание некоторых солидных периодических изданий [5, с. 3].

Речь здесь идет о процессах, генетически родственных «параду суверенитетов» в СССР конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., закончившихся развалом Советского Союза в 1991 г. Только в этом случае объектом геополитической диссипации выступает уже современная Россия. Усилия этнических антрепренеров, своего рода политтехнологов такого процесса, направлены на создание новых этнических идентичностей путем реидентификации социальных общностей, традиционно идентифицированных как субэтносы или даже локаль-

ные (региональные) группы, обладающие специфическими чертами быта, менталитета, ремесел и пр. (поморы, казаки, сибиряки, коми-ижемцы, мокша и эрзя мордва и т.д.). Процесс конструирования новых этнических идентичностей предполагает и реидентификацию социальных групп, существовавших когда-то самостоятельно, но со временем ассимилированных более крупными и жизнеспособными этносами. Такое конструирование идеологически оформляется в качестве «возвращения к историческим корням, культурным истокам», «восстановления исторической справедливости» путем вызывания «новых этносов» из этносоциального небытия к реалиям современной жизни.

В этой связи характерен феномен конструирования «новых этносов» путем фрагментации субстанционального русского этноса на европейском Северо-Западе и Севере России и, в частности, движение поморов на территории Карелии, Архангельской и Мурманской областей. Следует заметить, что поморское движение – это лишь одно из направлений процесса этнической реидентификации наряду с демократическим движением «Важский край» (центр – г. Вельск Архангельской области), а также внешне «упакованными» как культурологические движения «Древне-новгородский язык», «Невский край» и др.

Регионализм – явление не новое и достаточно хорошо известное. По этому поводу современный английский культуролог К. Фокс демонстрирует весьма разумное мнение: «Вся беда в том, что фактически каждая страна состоит из целого ряда регионов, каждый из которых непременно мнит себя отличным от всех остальных и претендует на превосходство. Подобное вы встретите во Франции, в Италии, США,

России, Мексике, Испании, Шотландии, Австралии – везде, в любом государстве. Жители Санкт-Петербурга отзываются о москвичах как о людях другой породы. Американцы с восточного побережья и те, что живут на Среднем Западе, – как существа с разных планет ... Так что регионализм вряд ли можно назвать исключительно английским [равно как и русским, российским – В.Е.] явлением. Тем не менее во всех перечисленных примерах жители этих, по общему признанию, исключительно самобытных регионов и городов имеют между собой много общего, что выдает в них итальянцев, американцев, русских, шотландцев и т.д.» [14, с. 31].

Нельзя не согласиться со справедливостью этого взгляда, но в то же время заметим, что регионализм хотя и обладает чертами сходства с феноменом этнической реидентификации, не адекватен ему.

Начало активного проявления региональной этнической дифференциации в России можно отнести к рубежу XX–XXI вв., и особенно к первому пятилетию XXI в., когда массы населения Российской Федерации, разочарованные итогами «стабилизации» российской экономической и социальной действительности, обратились к иным ценностям, источник которых не имеет какого-либо отношения к официальным кругам. Во многом это было обусловлено элементарной хозяйственной разрухой, обнищанием народа. Вот характерный пример, свидетельствующий о плачевном состоянии г. Беломорска (Карелия):

«Возникший ценой пота и крови сотен тысяч людей, имевший смысл и значение город запросто исчезает с карты страны.

...Бедность материальная и духовная, отброшенность на обочину во всех отношениях, скука, безразличие, отсутствие смысла в ежедневной деятельности, общая бесперспективность... Словно Мамай с ордой промчался... В бывшем городе живут, как могут, 12 (из бывших тридцати) тысяч человек, а он зарос сорной травой по макушку» [2, с. 12].

В таких условиях отчетливо проявилась девальвация гражданственности, что выразилось, например, в массовом игнорировании избирательных кампаний и последней (2010) переписи населения, равнодушии к новым официальным праздникам, уклонении от службы в армии и пр. Таким образом, основная масса жителей Российской Федерации перестала ощущать себя социальной общностью и трансформировалась в простое физиче-

ское население территории России, иными словами, – налицо диссипация, атомизация российского социума. Государственная политика, официально декларирующая лозунги национального примирения и создания гражданского общества, на деле способствует разрушению гражданственности и присущих ей чувств социальной и этнической общности, «российскости» путем оставления на произвол судьбы значительных территорий (особенно малых городов, окраин страны) под предлогами децентрализации, финансовой и хозяйственной самостоятельности и др., генерируя тем самым деструктивные явления, к которым мы относим и феномен этнической фрагментации. «Периодические изменения в государственной российской политике, – заявляет один из лидеров поморского движения, – дают поморам шанс на сохранение и возрождение своей этнической культуры» [10, с. 45]. Такое мнение справедливо для всех модусов конструирования «новых этносов».

Поморское движение относится к наиболее заметным направлениям этого процесса. Как утверждает председатель Национального культурного центра «Поморское Возрождение» Иван Мосеев, оно возникло в условиях т.н. перестройки, в 1987 г., когда в Архангельске была создана вышеозначенная организация [10, с. 17]. В основе во многом мифологизированной этнофилософии поморов полагается идея осмысления части как целого, противопоставление первой последнему и, в конечном итоге, креация из части нового целого, находящегося в оппозиции прежнему единству. Оппозиционность неизбежна уже потому, что деструкция существующего объекта возможна лишь посредством переформатирования имеющихся в нем противоречий в антагонизмы, ведущие к оппозиционному наполнению его частей.

С точки зрения логики, в основе поморского движения полагается известный алогизм: подмена целого его частью, что можно обозначить как симулякр. Фрагментация действительности, выступающая одним из законов постмодерна, актуализируется в случае с поморским движением как фрагментация русского этноса, когда одна из его частей реидентифицирует себя как новое целое.

Изданная в Архангельске региональная «Поморская энциклопедия» (2001) говорит о поморах следующее: «Поморы – русскоязычная группа этноса, заселившая (с 12 в.) берега Белого и Баренцева морей

и выработавшая своеобразный культурно-хозяйственный тип, основанный на преобладании промыслового приморского хозяйства (рыболовства и морской охоты). П. [поморы – В.Е.], однако, не оставили традиционных крестьянских занятий – земледелия и животноводства, игравших в поморской экономике все же второстепенную роль. Формирование П. происходило на территории аборигенных народов финно-угорской и самодийской групп, которые оказали заметное влияние на русский этнос и сами испытали влияние русских переселенцев из новгородских и ростовских земель <...>

Правильно рассматривать П. как население только Беломорского побережья, представляющего собой только область расселения специфической локализованной группы северно-русского населения» [6, с. 317].

Корректную информацию энциклопедии можно критиковать лишь в осторожной трактовке этой социальной группы как «русскоязычной группы этноса» [какого именно? – В.Е.], что, на наш взгляд, является известным реверансом в сторону этнической фрагментации русского народа. Правильным было бы определение «Поморы – локальная группа русского этноса».

Согласно данным всероссийской переписи населения 2002 г., из 1 млн 570 тыс. населения Архангельской области [6, с.7] поморами идентифицировали себя 6524 жителя этого региона [17], т.е. 0,42% от общей численности – ничтожное количество! Однако такая «малость» социально весьма активна, идеологически агрессивна, культурологически напориста (вспомним концепт «малого народа» И.Р. Шафаревича [15, с.110]) и абсолютно уверена в том, что творимая ею новая этноидентичность является жизнеспособной, поскольку она – исторически *истинна*.

Основной социальной причиной возникновения поморского движения стал многолетний кризис всех сфер общественного бытия в регионе, вызвавший падение уровня жизни большинства его жителей. В послании областному собранию депутатов 17 декабря 2009 г. губернатор Архангельской области И. Михальчук констатировал: «...Доходы областного бюджета сократились почти на треть, плановый дефицит превышает 7 млрд рублей. ... Пришлось принимать непопулярные меры – так было отложено повышение заработной платы бюджетникам, сокращены инвестиционные программы, остано-

лены некоторые проекты <...> Ситуация в финансово-экономической сфере далека от стабильности, и наступающий год будет не легче» [11, с. 2]. И далее – как приговор собственной персоне и властным кругам области: «Люди устали от бардака...» [11, с. 3]. Таким образом, чувства усталости, разочарования в действиях администрации различных уровней, выражающие, в свою очередь, состояние плохо скрываемого недовольства, – все это выступило элементами состояния длительной фрустрации, которая требует неперемennого разрешения. Таковы психологические причины возникновения поморского движения, в котором определенная часть населения Русского Севера видит сегодня социальную силу, способную вывести регион из цивилизационного тупика. Участники движения объединены в ряд организаций, таких как Национально-культурная автономия поморов Архангельской области, Беломорская территориально-соседская община, Этнографический центр поморского фольклора «Сюзёмьё», упомянутый выше Национальный культурный центр «Поморское Возрождение» и др., которые проводят интенсивную культуртреггерскую деятельность, лейтмотивом которой выступает пропаганда «уникальной самобытной поморской культуры» и не менее уникального «традиционного поморского образа жизни» [1].

Онтология поморской идеи (равно как и вся теория поморства) весьма мифологизирована. Этнические антрепренеры – лидеры и идеологи движения – прежде всего не согласны с общепринятым отнесением поморов к русскому народу. Такое понимание не соответствует их цели – реидентификации севернорусского населения как поморов – «коренного народа Севера, сформировавшегося в XII–XIII веках, [что – В.Е.] подтверждается признаками этнической общности: самосознание и название “Поморы”, общность исторической территории, культуры Поморья, языка (поморская “говóря”) традиционной экономики и другие факторы. За века у поморов сформировались специфические черты характера, особый психический склад, *трудно выражаемый в точных научных терминах* [курсив мой – В.Е.], но заметно отличавший поморов» [12] от основной массы русского этноса. Этот «особый психический склад» – менталитет поморов – этнический антрепренер выразить не смог потому, что его не существует по причине идентичности менталитета поморов с об-

щерусским складом ума и психики. Зато четко определяют его идеологи неолиберального толка, противопоставляющие «Северный “мир”» «великорусскому»: «Поморы – люди, обладающие наиболее выраженным северным сознанием, <...> в них соединялись свободолюбие и смирение, мистицизм и практицизм, страсть к знаниям, западничество и стихийное чувство живой связи с Богом» [13]. Издавна «связи [поморов – В.Е.] с западными странами, знание европейских порядков и общение с европейцами поддерживали демократические традиции [курсив мой – В.Е.] и даже в какой-то мере обосновывали их существование» [13].

Нетрудно заметить, что приведенная характеристика поморского менталитета является оксюмороном – искусственным совмещением взаимоисключающих понятий («свободолюбие и смирение», «мистицизм и практицизм» и т.д.), где реализована одна из новейших неолиберальных технологий манипуляции сознанием масс: объединение этнических традиций и либеральных новаций. По сути, в традиционные конструкторы общерусского менталитета (присущего, разумеется, и поморам) имплантируется хорошо знакомый набор либеральных ценностей: свободолюбие, практицизм/прагматизм, западничество и демократия, заимствованная с Запада. Только эти имплантанты создают «уникальное северное мироощущение» поморов, которого в действительности не существовало, но теперь, благодаря ухищрениям этнических политтехнологов, оно вызвано к жизни из небытия и обозначает также феномен небытия – симулякр, – созданный этническими антрепренерами искусственный «уникальный северный поморский менталитет», где доминируют заданные их творцами либеральные ценности. Не забыли конструкторы поморства и «толерантную атмосферу в северных епархиях» Русской православной церкви в прошлом [13], что, по их мнению, переводит толерантность в статус поморской традиции и обуславливает религиозную терпимость ряда севернорусских православных иерархов (как и населения этого региона в целом) в настоящее время.

Истина же о межконфессиональной «толерантности» на Русском Севере в прошлом диаметрально противоположна измышлениям этнических политтехнологов: Русская православная церковь по сути своей не могла терпимо относиться к языческим верованиям нерусских север-

ных народов, что и послужило причиной ее интенсивной миссионерской деятельности среди аборигенов европейского Севера России, Сибири и Дальнего Востока, а это трудно назвать проявлением толерантности к их автохтонным религиозным верованиям. Еще более нетолерантными были взаимоотношения православия и старообрядчества. Крайний ригоризм последнего нередко доходил до изуверства (достаточно вспомнить многочисленные и хорошо известные достоверные факты самосожжения старообрядцев). Идеологической подоплекой знаменитого «Соловецкого осадного сидения» также выступил церковный раскол XVII в. Таким образом, межконфессиональная толерантность как специфическая черта поморского менталитета – это очередная выдумка этнических антрепренеров.

Итак, поморы в интерпретации современных этнических политтехнологов – это малый коренной народ Севера, являющийся «главным носителем северной (генетически новгородской) ментальности <...> поморы, люди, обладающие наиболее выраженным северным самосознанием» [13]. Северное самосознание, исполненное либеральных ценностных конструкторов и противопоставленное менталитету «остального» русского народа, не обладающего такими ценностями и даже отвергающего их, – это субстанциональная мифологема в онтологии homo novus – помора как представителя особого этноса.

Следующая онтологическая мифологема – это этногенез и этническая принадлежность поморов. Как известно, в настоящее время генетически «чистых» народов не существует. Долговременные и сложные исторические обстоятельства, как правило, диктуют необходимость разнообразных межэтнических культурных контактов, поэтому в этногенезе какого-либо отдельного народа принимает участие целый ряд этносов. О поморах как специфической локальной группе русского народа хорошо известно, что их этногенез сопровождался взаимодействием новгородских и ростовских поселенцев с представителями аборигенного угро-финского и самодийского субстрата [см., напр., 4, 6, 16, 17 и др.].

Между тем поборники поморской идеи придерживаются другого мнения. Так, профессора Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск) В.И. Булатов и Н.И. Терехин утверждают, что «этногенез поморов был обусловлен слиянием культур *протопо-*

морских, преимущественно угро-финских (чудских) племен Беломорья [курсив мой – В.Е.] и первых восточных славян-колонистов, активно заселявших территорию чудского Заволочья» [10, с. 5]. Здесь важно обратить внимание на утверждение авторов (докторов исторических наук) о существовании «протопоморских культур». Это не просто терминоподобная оговорка, а сознательное введение в дискурс понятия, призванного обосновать автохтонность, укорененность особого этноса – поморов – на землях Русского Севера. Причем по своей этнической принадлежности «протопоморы» – представители «угро-финских (чудских) племен», искони проживавших в Беломорье, а русский, точнее славянский, компонент появился в результате новгородской колонизации значительно позже, в XI веке. Кстати, в отношении идеологов поморства к историческим событиям на севернорусских землях термины «новгородская колонизация», «московская оккупация» вполне заурядны, ибо они семантически актуализируют некую сверхзадачу – доказательство онтологической чуждости русского народа и его культуры поморам. Это явление, на наш взгляд, генетически родственно идеологическим обоснованиям развала Советского Союза, когда в стремившихся к суверенитету союзных республиках русские получили наименования «мигрантов» и «оккупантов», что наводит на мысль о единстве процесса вакханалии суверенитетов конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. и этнической фрагментации начала XXI в.

«Чудский» субстрат автохтонного населения Русского Севера не даёт покоя и известному писателю В. Личутину (правда, трактует он его в несколько ином, не «протопоморском» ключе). «Чудь белоглазая» (обитатели Беломорья до заселения его новгородцами) столь быстро «срослась» с новгородскими пришельцами якобы по той причине, что была этнически родственна им. «Чудь – это прарусы, наши предки... – утверждает В. Личутин. – “Чудь белоглазая”, жившая по берегам северных рек, ... – это реликтовый осколок древнейшего праэтноса руссов» [7, с. 15]. По мнению Личутина, чудь была не только субстанциональной этнической группой в севернорусском этногенезе, но стала генератором и носителем арийской культуры: «...Из этой же русской стихии <...> вышли и будущие индусы – арийцы <...>, предполагаю, что не новгородцы принесли в Поморье священные арийские символы предвечного мира, но это “чудь белоглазая” –

реликт руссов – сохранила их как дар забытых предков» [7, с. 15]. В данном случае важно не то, что автор считает баснословную чудь реликтом «праэтноса руссов», а не протопоморами, но концепция исключительности этой группы, наделение ее функциями мифологического культурного героя, генерирующего будущие арийские этносы и репродуцирующего арийскую культуру. «Мы должны понимать сердечной памятью родства, – завершает свою статью Личутин, – что это был самый древний корневой и коренной русский народ Поморья» [7, с. 15]. Таким образом, качества автохтонности, исключительности и демиургичности культуры, якобы присущие населению Русского Севера, доминируют ныне в мифологизированных идеологических исканиях севернорусской интеллигенции.

В своем концепте северного арийства В. Личутин не одинок. Пространно обсуждает тему «северного происхождения арийской общности и ее изначальной идентичности с северной антропологической расой» автор С.А. Кириллин (без ссылки на какие-либо источники, ограничиваясь лишь сентенцией, что «на этот счет существует огромное множество свидетельств, приводить которые здесь мы не намерены – на эту тему существуют специальные исследования») [3].

В мифологии поморского этногенеза идеи автохтонности, исключительности, «арийскости» и культурной демиургичности населения Русского Севера интерпретируются как исключительность поморского этноса – «соли земли российской» [10, с.18]. Поморы – древний северный арийский этнос – лучший из этносов современной России: они свободолюбивы и изобретательны; «в смутные времена поморские города первыми, еще до ополчения Минина и Пожарского, оказали организованное сопротивление польско-литовским интервентам» и т.п. [8]. Они «составляли основу петровского флота», а «на Бородинском поле основной удар наполеоновских войск приняли на себя Архангелогородский и Двинской полки, состоявшие из поморов». Во время Крымской войны жители Поморья отразили англо-французский десант самостоятельно, без помощи регулярных войск» [8]. Можно согласиться с зафиксированными в достоверных исторических источниках фактами воинской доблести поморов, хотя в Смутное время победу русских обеспечило все-таки всенародное ополчение под руководством Козьмы

Минина и Дмитрия Пожарского; «основной удар наполеоновских войск» вместе с упомянутыми «поморскими» полками отражали артиллеристы Раевского, казаки Платова, героические защитники Багратионовых флешей – вся русская армия; главные события Крымской войны происходили в Крыму, особенно в ходе героической обороны Севастополя и т.д. Думается, что ко всем поморским доблестям неплохо было бы добавить еще и чувства скромности, здравого смысла и исторической правдивости. Таковы механизмы фальсификации русской истории в аспекте роли в ней поморов – значение последней здесь намеренно преувеличено.

Во всех националистических движениях давно замечена характерная для них черта: болезненно-трепетное отношение к национальному языку, своего рода национальный лингвоцентризм (типичный пример – хлопоты националистов с исключительной гениальностью «украинской мовы»). Аналогично и пиететное отношение этнических антрепренеров к создаваемому ими поморскому языку – т.н. «поморской гóворе». Статуируя «поморську говорю» как «язык коренной этнической общности поморов» [10, с. 47], автор краткого словаря поморского языка «Поморська говоря» И. Мосеев утверждает, что «этническое самосознание является решающим при отнесении языковой системы к диалекту или языку» [10, с. 49], и колы скоро поморы – это древний «коренной» народ Севера, то и «поморська говоря» – именно язык, а не диалект или говор. Но поскольку все доказательства квалификации Мосеевым «говори» как языка несостоятельны (мы не приводим здесь их критику, по причине ограниченного объема статьи), а сам автор словаря, видимо, не вполне уверен в их корректности, он выдвигает в качестве основного критерия доказательности – фактор идеальный: этническую самоидентификацию субъекта (по Мосееву, «этническое самосознание»). В таком «обосновании» весьма отчетливо просматривается алогизм: поморы – отдельный народ, поскольку у них имеется особый поморский язык – «говоря», а «поморська говоря» является «самостоятельным» языком, т.к. ее носители, поморы, осознают себя особым этносом.

Неосведомленность, некомпетентность, а то и фальсификация в вопросах истории и языка – вот доминирующие признаки новоявленной «теории» поморского языка

(то бишь «говори»). Приведем несколько характерных примеров.

«Впрочем, ассимиляция [«говори» – В.Е.] в русском языке, – утверждает Мосеев, – началась еще пару столетий назад, когда, например, название села *Колмогоры превратилось в русифицированные Холмогоры*» (выд. мной – В.Е.) [10, с.44].

Между тем, М.В. Ломоносов, к авторитету которого с пиететом обращается И. Мосеев, утверждает обратное: «*Имя Холмогоры соответствует весьма положению места, для того что на островах около его лежат холмы, а на матерой земле горы* [курсив мой – В.Е.], по которым и деревни близ онаго называются, напр.: Матигоры Верхние и Нижние, Каскова Гора, Загорье и пр.» [9, с. 645]. Видимо, Мосеев всерьез полагает, что поморы с древних времен называли *холмы колмами*, как же иначе объяснить его одиозный пример с ассимиляцией «говори»?

Еще более одиозно обращение автора словаря «поморской говори» к примеру с собственной фамилией: «...Даже мою собственную поморскую фамилию Мосеев (с редуцированной буквой -и-) нередко произносят и записывают как Моисеев, адаптируя ее к русскому языку» [10, с. 44–45]. Мосеев глубоко заблуждается, считая имя Мосей «истовённо поморским» [10, с. 45], поскольку общеизвестно, что имя Моисей (Мосей – действительно его редуцированный, но общерусский, а не поморский, вариант), равно как и Иван, Мария и др., заимствовано из древнееврейского. Такая вот «истовённо поморська говоря»...

Внимательно изучив и проанализировав словарь «Поморська говоря», мы пришли к выводу, что из 2500 «поморских» слов более 500 лексических единиц принадлежит к лексике русского языка, что лишний раз подтверждает некомпетентность его автора в вопросах лексикологии. Но, по-видимому, столь откровенно демонстрируемое невежество не смущает этнического антрепренера, поскольку состоялось уже второе издание словаря этого квазиязыка.

Порожденное острыми социальными противоречиями в современном социокультурном бытии России, обусловленное коллизиями продолжительного системного кризиса, поморское движение, несмотря на сравнительную малочисленность его участников, достаточно активно заявляет о себе, обусловленное разрухой и бесперспективностью современных социокультурных реалий на Русском Севере: «Поморский край экономисты называют

ныне “депрессивным регионом” <...> Население нищает, уровень жизни здесь крайне низкий, а общественное настроение – хуже некуда <...> По данным социологических исследований, проведенных в Поморье в период с 1997 по 2001 год, 58,9% поморов убеждены, что будущего у населенных пунктов, в которых они живут, нет» [2, с. 12].

Поморское движение с его мифологизированной идеологией, алогичными псевдоисторическими построениями, искусственно создаваемой «говорей», как и другие разновидности феномена этни-

ческой реидентификации в современной России, – это попытки конструирования новых квазиэтносов, не имеющих ничего общего с подлинными, историческими этническими субъектами. Своим возникновением и развитием они всецело обязаны социокультурной катастрофе, постигшей Россию в конце XX – начале XXI вв. В параметрах квазиэтносов угадываются контуры будущего возможного развала России, предотвратить который можно лишь посредством радикальных социальных преобразований.

Список литературы:

1. Белое море должно нас не разделять, а объединять. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.pomorgerrp.orglinsigh/?id=2183>
2. Воронина М. Родные пепелища // Литературная газета. – 2010, 27 октября – 2 ноября, № 42–43. – С. 12.
3. Кириллин С.А. Северная основа русского народа. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.zlev.ru/174html>
4. Кодола О.Е. Архангельская область. Исторический путеводитель. – Архангельск: ОАО «Изд.-полиграф. предпр. «Правда Севера», 2006. – 224 с.
5. Кузьмина В. Эх, Раш, еще Раш, еще много, много Раш... // Литературная газета. – 20, 13–19 октября, № 40. – С. 3.
6. Куратов А.А. Поморы // Поморская энциклопедия. В 5 т. Т.1. История Архангельского Севера. – Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2001. – 483 с.
7. Личутин В. Что за дивное племя чудь... // Литературная газета. – 2010, № 9. – С. 15.
8. Ломакин В. Я – русский помор. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.narodsobor.ru/default.asp?trID=378&artID=5770>
9. Ломоносов М.В. Записки по русской истории. – М.: Эксмо, 2003. – 704 с.
10. Мосеев И.И. Поморська говоря. Краткий словарь поморского языка. – Архангельск: [б.и.], 2005. – 372 с.
11. Послание – 2009 // Важский край. Шенкурская районная ежедневная газета. – 2010, 4 января, № 1.
12. Ружников А. Что такое Поморье и кто такие поморы // Поморье. – 2004, 5–11 апреля, № 5.
13. Филатов С. Лункин Р. Другая Святая Русь. Духовный опыт возрождения Русского Севера. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2001/5/fil-pt.html>
14. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. – М.: РИПОЛ классик, 2008. – 512 с.
15. Шафаревич И.Р. Русофобия // И.Р. Шафаревич. Сочинения. В 3 т. Т.2. – М.: «Феникс», 1994. – С. 86–172.
16. Шабаев Ю.П., Домина А.В. Последний дефицит – дефицит российскости. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://betemy.usu.ru/?base=mag/0003%28012007%29&xsl=showArticle.xsl +&doc=/content.isp>
17. Шабаев Ю.П. Шарапов В.Э. Коми-ижемцы и поморы: две модели культурной трансформации. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.komi.com/pole/archive/pole/>